Бородатая банда

Автор:
Сергей Самаров

Бородатая банда

Сергей Васильевич Самаров

Спецназ ГРУ

На территории Дагестана орудует банда дерзких преступников. На их счету – расстрелянный пост ДПС, кровавая расправа над посетителями ночного клуба, нападение на городской суд. Со слов выжившего очевидца, все налетчики носили длинные бороды. Но бородой на Кавказе вряд ли кого удивишь. Как же найти изуверов? Антитеррористическое управление принимает решение привлечь к операции спецназ ГРУ под командованием старшего лейтенанта Сергея Никитича. У этого офицера есть один проверенный и очень эффективный способ охоты – «на живца»…

Сергей Самаров Бородатая банда

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

В Дагестане происходят неординарные события. Откуда-то появилась неизвестная вооруженная банда, в которую входят молодые люди с длинными бородами. Бандиты напали на местный ночной клуб, перестреляли посетителей.

Расследование ведет ФСБ, но для выполнения скрытых наблюдений и силовых акций решено привлечь взвод спецназа ГРУ под командованием старшего лейтенанта Никитича, входящий в состав сводного отряда спецназа ГРУ на Северном Кавказе. Взводу оставалось работать в командировке всего десять дней. За это время подготовить и осуществить полноценную операцию практически невозможно. Но события развиваются настолько стремительно, что спецназовцам, чтобы справиться с заданием, приходится поторопиться…

Пролог

Манап вытащил из заднего кармана брюк черной униформы новый серебряный портсигар с гравировкой, нанесенной позолотой, – подарок на день рождения от хозяина заведения, давнего товарища еще по дворовому детству Гаджи-Гусейна Даниялова.

Раскрыл портсигар, угощая подчиненных сигаретами. Хотя хорошо знал, что Букар, старший из охранников, никогда в жизни не курил, но зато курил второй охранник, молодой тощий Гадис. Тот всем жаловался, что курить бросает, но никак не может, и при этом выпрашивал очередную сигарету. Своих не имел, похоже, принципиально. Продолжалось это уже три месяца, которые Гадис работал в охране ночного клуба, и никто из охранников смены не верил, что Гадис всерьез собирается бросить курить.

Ночью он спрашивал сигареты у курящих посетителей, многих из которых откуда-то хорошо знал. Манап замечал, кое-кто из посетителей, только приехав в ночной клуб, сразу же искал глазами Гадиса, делал ему знак рукой, и вместе они удалялись в туалет.

Бывший капитан полиции Манап Басиров любил совать свой нос в чужие дела и однажды проследил, как из кармана Гадиса в руки посетителя переходит маленький целлофановый мешочек, а взамен в руку молодого охранника ложится купюра.

Манап все понял, но промолчал. У каждого свой бизнес, в который другому лучше не вмешиваться, даже если это бизнес твоего подчиненного. Еще будучи капитаном полиции, Манап получил урок на всю жизнь, когда попытался

поиметь с бизнеса своего подчиненного, а в результате оказалось, что бизнес этот принадлежит начальнику Манапа. В итоге Басиров лишился погон и должности, и неизвестно еще, где бы оказался, если бы не случайная встреча с Гаджи-Гусейном, который взял его к себе в новый ночной клуб начальником охраны.

До этого они не виделись больше десяти лет, с тех пор как Гаджи-Гусейн уехал в Москву сначала на учебу, потом работал там какое-то время, пока не вернулся в Махачкалу. Но в Дербенте не показывался.

А когда приехал, встретился с товарищем детских игр Манапом. Посидели за столом в доме отца Гаджи-Гусейна, поговорили. Тогда Гаджи-Гусейн и сделал предложение, как всегда, так аккуратно, словно это Манап делал ему одолжение, а не он помогал Манапу. Гаджи-Гусейн приехал в Дербент открыть новый ночной клуб на улице Ахундова. Человека на должность исполнительного директора ему порекомендовали еще в Махачкале. Но полностью доверять незнакомцу Даниялов не решался, ходили слухи, что тот не чист на руку, и потому Гаджи-Гусейн хотел поставить на должность начальника охраны своего человека, чтобы тот присматривал за исполнительным директором. Хотя бы в первое время, во время строительства здания.

– Не подскажешь, где найти?

– А что искать, бери меня! Я как раз со службы только что уволился…

– Я о тебе уже думал, но хотел тебе позже место предложить. Не хотел тебя сразу загружать серьезной проблемой.

– А что за проблема? – Манап любил конкретные разговоры.

– Понимаешь, мне участок выделили, а тут дома частные. Я со всеми почти договорился, дома купил, кому-то пришлось даже квартиру подыскивать и оформлять. Остался только один тип, старый уголовник. Не хочет продавать. Ни на какие уговоры не идет.

– Это разве проблема! Решим… Где участок выделили?

– На улице Ахундова, крыльцо будет на пляж выходить. Хорошее место…

– Хорошее место, – согласился Манап, мрачнея. Он знал человека, который не желал продавать свой дом, и понимал, что задачу, которую перед ним поставил друг, придется решать кардинально. Но служба в полиции приучила его держать слово. – Значит, договорились!

Даниялова такой вариант очень даже устраивал. Дербент не такой большой город, чтобы в нем было много капитанов полиции, даже бывших, чтобы пренебрегать ими. Оформили все быстро. Условия Манапа устраивали.

А его работа устроила Гаджи-Гусейна, когда тот приехал через месяц проверять, как обстоят дела. Оказалось, строительство идет уже полным ходом. Проблемный вопрос, за который хозяин опасался, решился сам собой. Хозяин уснул пьяный с зажженной сигаретой, и дом сгорел вместе с ним. Пил он, видимо, один, поскольку на пожарище нашли только одну треснувшую рюмку. Таким было заключение следственной бригады, которая работала вместе с пожарными. Уголовного дела возбуждено не было. Что хозяин дома злоупотребляет спиртным, знали все в округе.

Участок без дома удалось купить у родственников практически за бесценок.

За такую работу понимающий Гаджи-Гусейн подарил другу детства машину. Простенькую, российскую, тем не менее на первое время и она устраивала Манапа. А главное, его устраивала формулировка: «на первое время». Это автоматически значило, что Манапа ждет и более серьезное вознаграждение.

Строительство длилось больше года. На открытие Гаджи-Гусейн не приехал, дела не отпустили из Махачкалы. Он приехал только через три месяца, чтобы узнать, как работает ночной клуб. Тем более было у кого спросить.

И Манап выложил ему целое дело на исполнительного директора, вплоть до того, кто и по какой цене поставляет директору «травку» для клиентов. И не только «травку», а и кое-что покрепче. Этот вопрос почему-то особо интересовал Гаджи-Гусейна. Особенно вопрос цены. Манап, некогда опытный мент, сразу понял, что друг детства все поставки хочет прибрать к своим рукам.

Кому-то это могло принести неприятности, но Гаджи-Гусейн держался уверенно. Судя по данным бывшего капитана полиции, у Даниялова была серьезная крыша в Махачкале, против которой местные поставщики «травки» и того, что покрепче, выступить бы не посмели. Так и получилось. А за свою работу Манап получил в подарок от хозяина двухкомнатную квартиру, потому что в старой однокомнатной его семье с двумя детьми было тесно. Манап подсуетился, и две свои квартиры обменял на одну хорошую, трехкомнатную. В итоге довольны были все, кроме, разве что, исполнительного директора, который чувствовал за собой пригляд, но не знал, с какой стороны он осуществляется. Более того, исполнительный директор даже с Манапом на эту тему разговаривал, просил определить, кто за ним присматривает. Манап обещал. Так все и шло…

* * *

В ту ночь, в третьем часу, Манап с двумя охранниками вышел на крыльцо покурить. Букар, как некурящий, вышел просто за компанию, подышать свежим воздухом. Ветер дул с моря, на которое и выходило крыльцо. Он был влажным и обещал принести непогоду, такое осенью на Каспии случается нередко. Тем не менее после дыма и сладкой духоты ночного клуба на крыльце дышалось легко. Стоянка для автомобилей располагалась неподалеку. Там в застекленной будке сидел еще один охранник.

Манап видел, как заехали на стоянку два больших черных внедорожника с полностью тонированными стеклами. Водитель первого, поставив машину, сразу побежал к будке охранника. Но не стал расплачиваться через окошко, а зашел в саму будку, как делают обычно только знакомые. И потому Манап сначала отреагировал на приезд машин спокойно. Но потом почувствовал беспокойство. Он даже не сразу понял, чем оно вызвано.

Из приехавших машин вышли люди и уверенно двинулись в сторону крыльца. И только когда они оказались рядом, Манап понял, что его беспокоит. Все они были в зимних солдатских бушлатах и в камуфлированных костюмах – в такой одежде в ночной клуб не ходят. Более того, зимние теплые бушлаты были одеты явно не по погоде. Что-то назревало…

– Пистолеты к бою! – Манап первым отстегнул клапан на кобуре и готов был вытащить травматический пистолет «Ока», точно такие же были и у других охранников.

В это время из стеклянной будки на автостоянке раздалась автоматная очередь. Дверь распахнулась, и оттуда в сторону крыльца бегом направился давешний водитель. Взметнулись травматические пистолеты, но люди, что подошли к крыльцу, вытащили из-под бушлатов короткие «тупорылые» автоматы «АКС-74У», и в несколько очередей свалили всех троих охранников раньше, чем те успели выстрелить.

Манап понял, что легко отделался. Одна пуля угодила ему в плечо, вторая по касательной задела голову и только кровь пустила, хотя и настолько обильную, что его сразу приняли за убитого и не стали добивать. Он упал вместе с Букаром и Гадисом. Приехавшие взбежали на крыльцо, ворвались в зал.

И тут начальник охраны услышал вопль человека, пытающегося перекричать гремящую музыку:

– Лежать всем! Суд идет!

Вслед за этим раздались автоматные очереди. Пришедшие расстреливали гостей заведения без жалости и без разбора, ни с кем не заговаривая, не реагируя на визг перепуганных девиц. Потом загремела посуда, видимо, очередь ударила по бару…

Одна только музыка продолжала звучать после того, как расстрел был закончен и люди в камуфлированной одежде вышли из дверей ночного клуба и неторопливо двинулись к своим машинам. Шедший последним задержался и уже из дверей бросил в толпу пару гранат. Взрывы ухнули зло и внушительно. А человек поспешил догнать своих.

В середине, окруженный другими, шел высокий молодой человек с окладистой черной бородой и гладко выбритой головой, словно только что из парикмахерской. Впечатление складывалось такое, что бритоголовый – командир банды. Он один был с открытым лицом, тогда как другие прятали лица под шапками-масками «ночь» с прорезью для глаз и рта. У них бороды были такими же черными и длинными, как у главаря, и высовывались наружу. Наверное, и головы были так же побриты. А бороды…

Бородой на Кавказе никого не удивишь, хоть черной, хоть рыжей. Современная молодежь старается носить короткие и аккуратно подстриженные бороды. Половина из тех, кто находился в эту ночь в ночном клубе, носили такие.

Налетчики же своими бородами отличались. Солидно выглядели и держались солидно. И вообще сотворили свое дело – расстреляли посетителей ночного клуба – с чувством собственного достоинства. Так, по крайней мере, показалось Манапу. Убивали без суеты, по-деловому.

Машины выехали со стоянки на высокой скорости. Манап попытался рассмотреть номера, но так и не сумел этого сделать – они были умышленно залеплены грязью. Манап уронил голову на бетонное крыльцо и потерял сознание. Последнее, что он заметил: машины двинулись по улице Ахундова в разные стороны…

* * *

Я спокойно играл с солдатами роты в футбол и, честное слово, никого не трогал и даже не намеревался обижать. Увидел, как к футбольному полю со стороны штабного корпуса подходят командир сводного отряда спецназа ГРУ подполковник Подкопаев вместе с начальником штаба отряда майором Покрышкиным. Начальник штаба вытащил из красивого, имитирующего крокодиловую кожу футляра на поясе трубку сотового телефона и послал вызов. Судя по тому, что в моем смартфоне «заголосила» Жанна Бичевская, начальник штаба звонил мне.

Я вынужден был отказаться от продолжения футбольной атаки, остановился и ушел с поля, жестом послав вместо себя замену.

– Сереня, мы на другой стороне поля. Подойди к нам, – позвал майор.

– Понял, товарищ майор, бегу. – Я сделал вид, что только что увидел командиров, и побежал, но не через поле, а по его периметру. Это дало мне время сообразить и попытаться просчитать возможную ситуацию. Если меня разыскивают вместе и командир, и начальник штаба, значит, подвалило что-то срочное. А что может быть срочное для взвода, который через десять дней должен отправляться домой?

Через десять дней будет ровно полгода, как я со своим взводом нахожусь в составе сводного отряда спецназа ГРУ на Северном Кавказе. Командировка оформлена строго на этот срок. Наверняка в какой-то другой бригаде уже живет с «чемоданным настроением» и готовится к вылету моя замена. Разрабатывать новую операцию, а потом и осуществлять ее моему взводу просто не хватило бы времени.

Значит, предположил я, снова кому-то в помощь. За последние полгода мой взвод уже дважды отправляли в поддержку другим взводам, занятым в боевых операциях. Когда кому-то не хватало сил на завершение, брали то, что под рукой, и «затыкали дыру». Хорошо еще, если помощь требовалась своим. А если, скажем, спецназу МВД, то за ментов даже воевать приходилось, поскольку они к такому делу мало приспособлены – попросту говоря, не обучены, хотя и автомат держать умеют, и даже стрелять умудряются. Кое-кто даже попадает. Спецназ ФСБ в боевом деле чуть лучше, но тоже только в том случае, если работать приходится в городских условиях, а вот в горных или, что еще сложнее, в лесных условиях и спецназ ФСБ мало на что годен. В таких ситуациях приходится не столько самим воевать, сколько смежников защищать. А смежники этого не понимают. Они лезут «на рожон» и слов твоих слышать не желают. Не понимают, что война – это не желание победить, а наука.

Так вот и получилось в эту командировку, что дважды «дыры затыкали» как раз моим взводом. И оба раза, когда уже задействованной группе не хватало личного состава для полноценного окружения и выдавливания противника в нужном направлении. Это, по сути дела, такая же работа, как любая другая, и у нас не принято называть одну операцию своей, другую чужой. В самом деле, кто же придет на помощь коллегам по сводному отряду, если не другие силы того же спецназа ГРУ. Не спецназ ФСБ же приглашать и уж тем более не спецназ МВД. Хотя и там, и там есть хорошо подготовленные парни, и даже целые группы, но они не всегда пригодны для ведения полнокровных боевых действий вдали от городских улиц, где невозможно заблудиться. Их этому попросту не обучают. А мы можем воевать везде – хоть в развалинах жилых кварталов, хоть в лесу на равнине, хоть в горном лесу, хоть в безлесных заснеженных горах. Наверное, потому мы и называемся военной разведкой. Не какой-нибудь, а именно военной.

Я подбежал, на бегу натянув на голову кепку с кокардой, которую до этого держал в кармане, и козырнул, начиная доклад. Но командиры меня перебили.

– Сереня, – майор Покрышкин был из одной бригады со мной, хотя и из другого батальона, и потому разговаривал всегда слегка «запанибрата». Чтобы возразить, я званием еще не вышел, да и необходимости в этом не видел. Уважительную грань начальник штаба не переходил. – Ты слышал что-нибудь про «дербентское дело»?

– Никак нет, товарищ майор. Не слышал.

– Телевизор не смотришь? – словно в укор сказал командир отряда.

– Никак нет, товарищ подполковник, не смотрю. И не считаю это необходимым. О чем и солдатам постоянно говорю.

– В этом ты, возможно, прав, старлей, – пошел на попятную командир сводного отряда. – Я сам смотрю только хоккей и новости на разных каналах.

– Я не болельщик, товарищ подполковник. Ни спортивный, ни политический.

– Тем не менее из новостей тоже можно кое-что узнать. Хотя бы в информационном плане.

– Ладно. Пойдемте в штаб! – предложил майор Покрышкин. – С документами Никитича ознакомим, если сам он новостями не интересуется…

Мои командиры дружно развернулись и двинулись по дорожке быстрым шагом. Я пошел за ними. Мне было легче идти хотя бы потому, что у меня на ногах были кроссовки, в которых я в футбол играл. Ходить в них по дорожке проще, чем в берцах. Но по горам бегать в берцах лучше. Стопа жестче фиксируется. Хотя внешний вид у меня был, наверное, забавный. Я сам уже отвык за полгода ходить в кепке вместо каски, без пластиковых наколенников и налокотников, без бронежилета и тем более без оружия. И потому не удивился недоуменному взгляду дежурного по штабу. Я ответил ему приветственным кивком и спокойно прошел к кабинету начальника.

Дальше по коридору в противоположной стене дверь вела в тамбур шифровального отделения, дальше которого проходить разрешалось только самому командиру и начальнику штаба, как первому заместителю, а в торце

коридора располагались сдвоенные широкие застекленные двери узла связи.

При звуке шагов командира и начальника штаба, которые в берцах, в отличие от меня, топали увесисто, приоткрылась дверь тамбура шифровального отделения, но за дверью на толстой трубчатой дуге висела штора, и потому не было видно, кто выглядывает. Дверь закрылась быстро. Мы вошли в кабинет майора Покрышкина, и почти сразу за нами раздался стук в дверь.

– Кого еще бог послал? – спросил подполковник Подкопаев.

– Это капитан Слонов, – предположил я.

– Войдите, – громко позвал Покрышкин.

Дверь открылась тихо, без скрипа. Мое мнение оказалось верным. Из двери тамбура шифровального отделения, дожидаясь возвращения в свой кабинет начальника штаба, выглядывал именно капитан Слонов, начальник шифровального отделения. Он деликатно позволил нам войти в кабинет, и только после этого постучался в дверь.

Обычно начальник шифровального отделения докладывает входящие шифротелеграммы командиру отряда, и только в его отсутствие – начальнику штаба. Но тут в кабинет начальника штаба вместе с ним шли мы с командиром отряда, и потому капитан Слонов, худым телом и скуластым лицом никак на слона не похожий, пришел с докладом именно сюда.

– Разрешите… Товарищ подполковник, срочная шифротелеграмма в ваш адрес.

Подполковник Подкопаев кивнул. Капитан Слонов дернул за замок-«молнию» свою папочку из искусственной крокодиловой кожи, вытащил лист распечатанной на принтере шифротелеграммы и журнал регистрации.

Командир отряда расписался, подслеповато щуря глаза. После чего не сразу, но нашел в кармане очечник с очками, надел очки и отошел к окну, чтобы при более ярком свете прочитать шифротелеграмму.

– Можешь идти… – отпустил Слонова начальник штаба. Капитан развернулся и вышел, так же аккуратно, как и вошел, без стука прикрыв за собой дверь. Слонов всегда отличался сдержанными деловыми манерами, всегда был серьезен, не шутил ни с кем и не улыбался в ответ на чужие шутки. Я лично никогда не слышал от него ничего, кроме необходимых для доклада дежурных слов. Никто в отряде не знал, есть ли у него семья, дети, в какой бригаде он служил раньше и по какой причине является почти единственным офицером штаба сводного отряда, работающим здесь на постоянной основе с каждым новым постоянно ротирующимся составом связистов.

Майор Покрышкин не стал дожидаться, пока командир прочитает шифротелеграмму, сразу достал из сейфа пару листов принтерной распечатки и протянул мне. В правом верхнем углу не было грифа секретности, следовательно, это не был документ строгой отчетности. И, значит, мне не требовалось расписываться за ознакомление.

– Присаживайся, читай…

Я аккуратно присел на краешек ближайшего стула и начал читать. Это был не военный и даже не следственный документ, скорее, аналитическая записка, где рассказывалось о том, как десять неизвестных длиннобородых молодых людей расстреляли посетителей ночного клуба в Дербенте. Причем никак не назывались ни лица, причастные к преступлению, ни пострадавшие в результате расстрела люди. Все данные основывались на показаниях раненного при расстреле начальника охраны заведения некоего бывшего капитана полиции Манапа Басирова, который, будучи ранен, наблюдал происходящее, но никак не показывал, что остался жив. Видимо, потому его и не добили.

Хотя не добить могли и по другому поводу, как подумалось мне, – не всегда бандиты добивают своих наводчиков. А такие подозрения возникнуть могли. В этот раз по какой-то случайности не работала камера наружного наблюдения, которая своим объективом обычно захватывала и крыльцо ночного клуба, и автостоянку.

По утверждению Манапа Басирова, он отправил электронным письмом заявку на ремонт камеры в обслуживающую компанию. Такое письмо действительно существует, оно дошло до адресата, но адресат не поторопился из-за общей загруженности и планировал приехать для ремонта только на следующий день. В итоге судить о внешнем виде нападавших можно было только со слов

потерпевших, а их было достаточно – оставшиеся в живых и тридцать два раненых. Погибли же в тот вечер двадцать три человека. И это, не считая одного убитого и двух раненых охранников на крыльце.

Количество убитых и раненых в клубе впечатляло. Причем все смерти наступили в результате пулевых ранений. Этот факт меня слегка смущал. Если в толпу бросали гранаты, то где же убитые и пораженные осколками? Не бывает такого, чтобы от гранат никто не пострадал. Но аналитическая записка эту тему вообще не затрагивала. А вопрос был важным, как мне казалось. По крайней мере, он выглядел странным. О гранатах говорил не только бывший ментовский капитан Манап Басиров, о двух взрывах говорили и пострадавшие посетители ночного клуба. Возможно, есть какие-то данные о поражении осколками в данных следствия, но мне эти документы для ознакомления не представили. Следствие, кстати, вело сначала Следственное управление республиканского Следственного комитета, а потом уже Следственное управление ФСБ, как антитеррористический орган. Значит, нам предстоит еще не однажды встречаться в течение моих последних командировочных дней. Но сам факт того, что дело это представляло собой террористический акт, сомнений не вызывало.

Я посчитал записку аналитической, поскольку в ней была сделана попытка анализа. Но анализ этот, на мой взгляд, анализом не являлся, а сводился только к постановке вопросов, которые и без того напрашивались сами собой. Случайность ли, что камера в эту ночь не работала? Обычно, когда совершаются подобные акции, бандиты предпочитают надевать на голову маски «ночь», чтобы не светиться перед камерами. Эти маски надели, но не все. Тот, что выглядел предводителем, то ли из гордости, то ли по какой-то другой причине маской пренебрег. Могло ли это значить, что он лучше своих людей знал, что камера не работает? Откуда могла происходить утечка информации о неработающей камере – от сотрудников ночного клуба? От фирмы, обслуживающей камеры наблюдения? Еще откуда-то? Следовало искать следы…

Дальше – вопрос о бородах. Длинные бороды носят, как правило, представители радикальных религиозных течений. И они же часто выбривают головы. Можно ли после совершения подобного террористического акта, а именно так рассматривает происшествие следствие, утверждать, что оно совершено религиозными фанатиками?

Уже на следующий день после объявления в прессе и Интернете о расстреле посетителей ночного клуба официальное заявление в социальных сетях сделало ИГИЛ, объявив, что это именно его люди совершили ночной налет. Но доверять таким заявлениям все давно уже перестали, потому что ИГИЛ пытается примазаться к любому террористическому акту. Даже бандитские разборки иногда объявляет террористическим актом, совершенным своими людьми.

Следствие пока версию с религиозными фанатиками не рассматривало, хотя тенденция к подобному направлению у него должна была появиться. Это было мое мнение. Исходил я из наличия длинных бород и бритых голов. Я не так давно вернулся из командировки в Сирию, куда доставлял на испытания новые виды российского оружия, хотя сам в испытаниях участия не принимал. Попал я на самые горячие дни наступления сирийской армии на позиции боевиков. И был наслышан о том, что бандиты ИГИЛ и других исламистских организаций террористического толка перед сдачей властям сбривают или хотя бы подстригают бороды. Если сбривают, если подстригают, значит, борода – это их характерная особенность, своего рода опознавательный знак. Иначе и смысла сбривать не было.

В нашем случае, судя про данным бывшего ментовского капитана Манапа Басирова, мы имели дело с людьми достаточно молодыми. Молодые обычно носят бороды короткие, стриженые.

Что-то в этом было необычное. Но что, я не мог пока понять, поскольку данных имел настолько мало, что правильнее было бы сказать, что я их вообще не имел. Кроме того, можно было и нарядиться – подцепить длинную бороду на резинку, чтобы следствие пустить по ложному пути.

– И с этим мне работать? – спросил я майора Покрышкина.

– Не нравится? – Майор, похоже, уловил в моем голосе недовольство, которое я и не пытался скрыть.

Какой материал можно собрать за оставшиеся до конца командировки дни? А собирать его необходимо. А это само по себе значит, что собирать я его буду уже для другого взвода, что приедет меня сменить. А я ведь даже не знаю, из какой бригады этот взвод будет, не знаю, что за командир во взводе, какие у него методы работы. Каждый командир подразделения, начиная работать по

определенному направлению, придерживается собственных методов, к которым он привык, которые понятны солдатам его взвода и которые удобны ему в использовании. И потому моя предварительная подготовка может оказаться никому не нужной. Это понимал я, понимали и начальник штаба с командиром отряда. И потому мое недовольство не вызвало суровой реакции.

– Надо, Сереня, надо, – просто сказал майор. – Что и сколько сможешь сделать…

– Короче, старлей, так, звони, поднимай взвод по тревоге. Пока он будет готовиться к выезду на операцию, быстро прочитай вот это… – Подполковник протянул мне лист шифротелеграммы, которую только что получил. Шифротелеграмма была из республиканского антитеррористического комитета, который просил сводный отряд спецназа ГРУ о силовой помощи.

Я позвонил дневальному по роте и приказал поднять взвод по тревоге. После чего принял из рук подполковника шифротелеграмму. Пока я читал и оценивал ситуацию, подполковник Подкопаев сам позвонил в гараж и срочно заказал для моего взвода три боевые машины пехоты.

* * *

Прошлым утром в станице Курская Курского района Ставропольского края проходило заседание районного суда. Рассматривалось дело об исламистской организации, которая занималась распространением запрещенной литературы среди жителей района. А среди жителей Курского района – представители многих народностей Северного Кавказа. Неудивительно – станица, по сути дела, приграничная.

Судили четверых исламистов. Двое были из Дагестана, двое – из Ингушетии. Кроме распространения запрещенной литературы, стороне обвинения предъявить подследственным было нечего, и приговор обещал быть легким, скорее всего даже условным.

Перед вынесением приговора судья удалился в совещательную комнату, где советовался сам с собой. Едва секретарь суда произнесла торжественную команду: «Встать! Суд идет!» – и судья показался на пороге, несколько человек из зала вдруг выскочили на середину небольшой судебной комнаты. Среди них

обращал на себя внимание довольно молодой человек с гладко, до блеска выбритой головой и окладистой черной бородой, закрывающей грудь.

Человек этот, дико вращая глазами, заорал:

– Лежать всем! Суд идет!

И поднял руку над головой. В руке у него была граната.

Впоследствии один из конвойных полицейских, что стояли рядом с подсудимыми, сказал, что это была граната «Ф-1», то есть граната оборонительного действия, у которой осколки разлетаются метров на двести, следовательно, взрывать такую в помещении – самоубийство. Но полицейский видел дикие глаза человека с гранатой и был уверен, что тот грозился взорвать всех: и себя, и присутствующих. И взорвал бы при первых признаках сопротивления.

Так полицейский оправдывал свое бездействие. Так или иначе, он вместе с двумя подчиненными покорно лег на пол. К ним подскочили другие люди с такими же длинными бородами и, забрав пистолеты, увели подсудимых.

На улице с включенными двигателями стояли два черных внедорожника «Ленд Крузер Прадо» с номерами, замазанными грязью. Подсудимые и их спасители сели в машины и на скорости устремились в сторону выезда из Курской.

На выезде их пыталась остановить для проверки документов патрульная машина ГИБДД, сигнал о нападении до машин ГИБДД еще не дошел, но оба инспектора были ранены автоматными очередями. Причем стреляли сразу из обеих машин. При этом ранение, несовместимое с жизнью, получил и посторонний автолюбитель, которого инспекторы ДПС остановили за минуту до этого. Автолюбитель скончался до приезда «Скорой помощи». Раненый инспектор сумел добраться до рации и сообщить о происшествии другим постам.

Поскольку внедорожники устремились в сторону Кавказа, были подняты по тревоге подразделения Моздокской бригады спецназа ГРУ, которые перекрыли дорогу из Курской бронетранспортерами и боевыми машинами пехоты, рассчитывая, что террористы двинутся прямой дорогой. Однако напавшие на суд поехали кружным путем.

В следующий раз они отметились в поселке Балтийский Курского района. В сам поселок машины въехали по улице Школьной, ехали на высокой скорости, хотя там стоят знаки: «Осторожно, дети!» – на улице располагались две школы. И между школой номер семь и сельским Домом культуры им снова попалась машина ДПС. Оба инспектора уже получили ориентировку по рации, выскочили из машины с автоматами наперевес и попытались открыть огонь по колесам внедорожников.

Сразу стрелять на поражение водителей инспекторы не решились, и их нерешительность обернулась для них трагедией. В ответ прозвучал выстрел из одноразового гранатомета «Муха», который разнес машину ДПС, за которой инспекторы укрывались, в клочья. Инспекторы были тяжело ранены, оба находились в бессознательном состоянии и уже не имели возможности передать данные о случившемся. А бандиты проехали напрямую до станицы Черноярская, где и повернули без всяких помех в сторону Моздока.

Таким образом, они въехали в город, откуда их не ждали, где дорога не была заблокирована, и спокойно переехали по мосту через Терек. Куда машины двинулись дальше – неизвестно, и потому поиск пошел в двух направлениях – по дороге на станицу Вознесенская в Ингушетии и по дороге мимо станицы Терской.

Вторая дорога ведет в сторону Чечни. Судя по всему, бандиты или были плохо знакомы с местностью, или получали информацию о засадах на пути. Так, местные жители наверняка пересекали бы Терек не в Моздоке, куда появляться было опасно, а по мосту на дороге от Советского до Раздольного. Но там, на другом берегу реки, стоит стационарный пост полиции, там была устроена засада, поскольку изначально предполагалось, что бандиты предпочтут не заезжать в Моздок, раз уж сразу выбрали кружной путь.

Но они заехали, а потом их след был потерян. Пост ДПС на выезде из Моздока не заметил этих машин, тем более что сам пост нетрудно было объехать по дороге через мелкие поселки.

Предполагалось, что внедорожники двинулись в Ингушетию, а двое подсудимых, что называли себя ингушами, помогли налетчикам спрятаться у своих знакомых. В этом случае найти бандитов будет чрезвычайно трудно, поскольку местные жители, которые могут быть свидетелями, очень неохотно дают показания.

Но поиск продолжался по всем направлениям. В итоге, предположительно, одна из машин была замечена сегодня на рассвете уже в Дагестане, куда въезжала с территории Калмыкии. Посту ДПС был дан приказ пропустить машину без досмотра, чтобы избежать боестолкновения и дополнительных потерь, поскольку на посту в это время было только три человека без боевого опыта. Кроме того, в полиции ждали момента, когда две машины соединятся, чтобы отследить их и захватить одновременно.

Полной уверенности в том, что это одна из искомых машин, не было. Автомобилей «Тойота Ленд Крузер Прадо» в республике много. Эта прибыла совсем с другой стороны. Подозрение вызвало то, что люди в машине носили длинные бороды, а левое крыло внедорожника в двух местах имело отверстия, похожие на пулевые, это мог быть след перестрелки на посту ДПС в поселке Балтийский. Но это по большому счету тоже не показатель. В Дагестане попасть под обстрел может любая машина. А действительно ли это были пулевые отверстия – может сказать только экспертиза.

В антитеррористическом комитете Дагестана оказались не готовы к такой ситуации. Свои собственные силы у комитета были распылены по разным участкам. В отсутствие точного плана действий и сил, способных эти действия совершить, пришлось обратиться за помощью в сводный отряд спецназа ГРУ. Местные силовики просили выставить посты на трех возможных дорогах от Махачкалы в сторону Дербента, где впервые «засветились» длиннобородые. Причем каких-то конкретных данных о том, что бандиты двинутся именно в сторону Дербента, в антитеррористическом комитете не было. В Дербент для расстрела посетителей ночного клуба банда могла приехать точно так же, как приехала в станицу Курская. А откуда она приехала – никто не знал. Тем не менее подполковник Подкопаев раскрыл карту, нашел по данным из шифротелеграммы места, где просили устроить засады, и показал мне.

– Нужно карту? – спросил коротко.

– Я запомнил, – отказался я. – Сейчас, как вернусь, сразу перенесу отметки в свой планшетник. Разрешите выполнять?

– Выполняй… Удачно первое задание со вторым совместилось, – заметил майор Покрышкин. – И лишних поисков не надо. Поторопись!

Я лично в этом деле вообще ничего удачного пока не видел…

* * *

Джахпар Махадов сидел на заднем сиденье. На переднем сиденье, как всегда, прямо, не пристегивая ремень безопасности, а только набросив его на плечо и придерживая рукой, сидел имам Джабраил Гаджимагомедов. Колени придерживали зажатый между ними автомат. Второй рукой Джабраил, как всегда, держал на коленях толстую старую книгу. Рукописное издание Корана. Этот Коран привез ему и передал, как реликвию, сам Джахпар. Сказал, что это книга седьмого века. Первооснова Корана.

– Потом уже Коран много раз сначала от руки переписывали, при этом добавляли свое или просто ошибки делали, потом перепечатывали и правили, каждый на свой лад. А это – первооснова. Здесь точно сказано, как мусульманин должен жить, каким он должен быть, за что должен бороться…

Конечно, Джахпар не сказал, что в Ракке сидит целая группа переписчиков, которая изготавливает такие издания и где вместо бумаги используется настоящий пергамент. Каждая буковка тщательно выводится. Этих переписчиков отбирали и в Сирии, и в Ливии, и в Египте, и в Ираке, и даже в далеком Марокко. И ни один из них не покинул стены своего цеха живым. Как и переплетчики, которые переплетают листы пергамента вручную натуральной кожей, как чеканщики, что изготавливают медные и бронзовые углы и застежки, хотя чеканщики сами книги и не видят. Но если вдруг они когда-то окажутся на свободе, то смогут случайно увидеть издание Корана, к которому приложили руку, и узнать по углам и застежкам свою работу. Это может бросить тень на великое дело.

Кто готовил текст для переписчиков, Джахпар не знал. Но ему и не полагалось этого знать. Он и без того знал слишком много и потому чувствовал себя не совсем уверенно, подозревая, что когда-то его миссия будет закончена, надобность в нем отпадет, и тогда кто-то получит соответствующий приказ и хладнокровно выполнит его. И в подтверждение выполнения приказа его голову в мешке из толстой верблюжьей кожи привезут тому, кто приказ отдавал.

И потому Джахпар не торопился завершить свою миссию. Он оставался тенью Джабраила, как его собственной тенью был Шамхал, приехавший в Дагестан из

Ракки вместе с Джахпаром. В глубине души Джахпар был уверен, что у него все будет хорошо, он почувствует опасный момент заранее, примет контрмеры и выйдет победителем, как выходил до этого, на протяжении прожитой жизни. А прожил Джахпар уже немало. Под прошлый Новый год ему стукнуло сорок два года.

В глубине души он считал всех этих людей – и Джабраила, и все его окружение – игрушечными солдатиками, которыми он, взрослый человек, играет, придумывая и воплощая с их помощью в жизнь свои задумки…

Глава первая

Мой взвод уже выстроился в казарме, ожидая, когда я поставлю задачу.

Я дал команду замкомвзвода старшему сержанту контрактной службы Лене Лысакову загружать личный состав в БМП, что уже стояли у казармы, а сам прошел в каптерку, где в отдельном шкафчике находилось мое боевое обмундирование оснастки «Ратник», оставленное на время футбольного матча между взводами. Облачиться было делом одной минуты. После чего дежурный по роте открыл мне оружейную горку, где я забрал свои автомат, пистолет и запасные магазины с патронами и вышел из казармы. И только за дверью, на лестнице, я включил коммуникатор «Стрелец» на общую связь.

– Внимание! Проверка связи! Я – Добрыня. Как меня слышно?

– Слышимость отличная! – один за другим доложили из своих машин командиры отделений.

– Внутренняя проверка связи произведена?

– Так точно. Произведена.

Я забрался в башню БМП на командирское место.

– Выезжаем. Я в головной машине с первым отделением. Старший сержант Лысаков – в замыкающей. Вперед!

Металлические ворота военного городка, по советской традиции украшенные красными металлическими звездами, были уже распахнуты. Мы быстро проехали через поселок, выбрались на трассу «Кавказ».

Вообще гусеничным машинам, даже легким, местными властями рекомендовано передвигаться преимущественно по грунтовым дорогам. Но мне командование дало свои рекомендации. Главная из них – «Поторопись!». И я торопился, разгоняя боевую машину пехоты прямо по трассе. Однако после переезда через железную дорогу в районе села Коркмаскала[1 - Коркмаскала – село, районный центр, пригород Махачкалы.] скорость пришлось сбавить. Хотя в само село мы и не заезжали, дорога была сильно загружена. Особенно медленно продвигались несколько свадебных кортежей, которые традиционно посещают Коркмаскалу. Но тяжелую технику легковые машины, как, впрочем, и грузовики, сильно уважали и потому, увидев в зеркало ствол тридцатимиллиметровой автоматической пушки и стомиллиметровой пусковой установки, принимали вправо, пропуская нашу колонну.

За время, пока мы ехали до Махачкалы, я успел дать по связи подробный инструктаж, что следует делать и кого искать.

Я уже подъезжал к столице республики, когда мне на смартфон позвонил подполковник Подкопаев.

– Старший лейтенант Никитич! – рявкнул я, перекрикивая лязг гусениц. – Слушаю вас, товарищ подполковник.

– Не кричи. Я не глухой. Старлей, твоя задача упрощается. На въезде в Махачкалу твою колонну будут встречать три патрульные машины ДПС. По два инспектора в каждой. Инспекторам задача поставлена. Можешь им не объяснять. С каждым отделением поедет патрульная машина. Будет останавливать другие машины для проверки. Есть подозрения, что бандиты могли сменить машины. В Чечне найден остов сгоревшего «Ленд Крузера Прадо». Возможно, одна из тех. Капот и левое крыло во многих местах пробиты пулями. Эксперт сказал однозначно, что стреляли из автомата. Характерное направление для очереди и встречного движения автомобиля, идущего на

скорости. Но еще вчера там этой машины не было. Машины ДПС мимо того места вчера несколько раз проезжали. Регистрационные номера с автомобиля были загодя сняты. Но остались номера на двигателе и на кузове. Сейчас эксперты пытаются разобрать. «Ленд Крузер» дизельный, слава богу, не взорвался бензобак – не хватило давления, только сгорело все. Экспертам есть над чем поработать. Кстати, в багажнике нашли пустой «рожок» от «АК-47». Из «АК-47» стреляли по патрульным ГИБДД. Очень много совпадений, поэтому подозрения о смене машины обоснованны.

– Если машину сменили, как мы определим бандитов? – поинтересовался я.

– По длинным бородам, разве что… – после непродолжительной паузы неуверенно посоветовал подполковник.

– Да здесь каждая четвертая борода, особенно у сельских жителей, длинная. Даже у молодых…

– А что предлагаешь? Отказаться помогать антитеррористическому комитету? Тогда зачем мы вообще здесь целый городок занимаем?

В этом с подполковником невозможно было спорить.

– Есть надежда, что бандиты будут в нас стрелять. Это значило бы, что нервы у них слабые. Но до этого даже в сложной ситуации вели они себя вполне хладнокровно. То есть надежды никакой.

– Надежда только на их наглость и приобретенное чувство безнаказанности. Пока им все с рук легко сходило, потому бандиты могут «распоясаться». Следует выставлять машину ДПС и по возможности прятать БМП. Даже перегонять на километр дальше. Солдат тоже в открытую на дорогу не выпускать. Маскироваться они умеют. Даже на обочине. При движении из транспорта их сразу не определишь…

– Понял, товарищ подполковник, – ответил я привычным бодро-пионерским голосом, хотя в действительности восторга от такой операции не испытывал. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что… Из той же серии. Невнятно все чрезмерно!

– Тогда у меня все. Конец связи…

– Конец связи… – подтвердил я еще и потому, что увидел впереди, перед въездом в Махачкалу, стоящие рядом с указательной стрелкой три патрульные машины ДПС. Инспекторы не махали жезлами другим машинам.

– Нас поджидают, – догадался я.

* * *

Я очень приблизительно представлял, что следует делать, и потому проинструктировал экипажи патрульных машин и командиров отделений в соответствии со своими представлениями о ситуации, и, используя советы подполковника Подкопаева, которые не походили на приказы, тем не менее я принял их к исполнению. И даже обосновал необходимость перечисленных действий. Конечно, «гиббоны» не пришли в восторг от предложения устроить рыбалку «на живца», где они будут исполнять его роль. Тем не менее поняли, что это единственная возможность спровоцировать бандитов на активные действия, и мужественно согласились принять на себя первый удар.

Командиров отделений я предупредил особо:

– Внимательно смотреть. Как только из машины высунется ствол, сразу стрелять на поражение. Опережать противника! Отделение отвечает за безопасность инспекторов ГИБДД. Спрашивать буду по всей строгости…

Не знаю уж, насколько мои указания утешили ментов. Физиономии у них как были, так и остались кислыми. Видимо, они просто ставили себя на место моих солдат и не были уверены в возможности точной очереди на опережение по движущейся машине. А я знал, что говорил, знал уровень подготовки своих солдат и потому не сомневался в результате. Прикрыть инспекторов при необходимости они смогут.

Сложность ситуации была еще и в том, что все шесть инспекторов ДПС носили капитанские звания, но они согласно кивали на слова старшего лейтенанта, меня то есть, понимая, должно быть, что их капитанские звания – звания служебные, а не воинские. А в данном случае проводилась боевая операция, и

ГИБДД здесь выполняла исключительно второстепенные функции. И потому я смело назначил ответственными за операцию на двух отдельных участках своих сержантов, а на третьем участке возглавил операцию сам.

Капитанов ГИБДД это, к счастью, не сильно задело. Все-таки ореол спецназа ГРУ играл свою роль даже в такой обстановке. Кроме того, не все и не всегда, невзирая на звания, готовы взять на себя ответственность за неуспех, если он случится, хотя все и всегда готовы считать именно себя победителем в случае победы.

Поскольку мы были мало знакомы с местными условиями, инспекторы взяли на себя обязанность вкруговую, минуя город, вывести отделения к местам патрулирования дороги. Сначала уехали два отделения, потом с места тронулся и «Форд Фокус», который должен был работать с нашей группой. «Форд» ехал медленно, трепетно относясь к своему «здоровью», и мы вынуждены были ехать так же неспешно, хотя для наших гусениц местные проселочные дороги были, в общем-то, идентичны асфальтовым дорогам. Трясло ничуть не больше.

Я сам давно привык к передвижению на боевых машинах пехоты и не сильно утомлялся от лязганья гусениц и существующей системы амортизации, ничуть не похожей даже на систему амортизации армейского грузовика. И потому легко переносил подобный способ передвижения. Солдаты же, особенно солдаты срочной службы, привыкнуть еще не успели, им было тяжелее.

На место мы приехали через полтора часа. Миновав по окружности Махачкалу, выбрались на ту же трассу «Кавказ», где «Форд Фокус» остановился.

Я осмотрелся и нашел в стороне от дороги скопление больших камней. Сверился с планшетником, в котором имелась спутниковая карта с возможностью укрупнения изображения вплоть до разложения на квадратики пикселов. Вид сверху показал, что БМП может свободно заехать и встать среди камней, над которыми будет в состоянии вертеть башней и направлять стомиллиметровую пусковую установку, автоматическую тридцатимиллиметровую пушку и спаренный с ней пулемет ПКТ[2 - Пулемет ПКТ – пулемет Калашникова танковый, калибра 7,62 миллиметра. НА БМП-3 один пулемет спарен с автоматической пушкой, а два располагаются по обе стороны от места механика-водителя и управляются десантниками, то есть непостоянными членами экипажа. Кроме того, на вооружении БМП-3 имеется ПТРК «Конкурс», способный подбить любой современный танк, и объединенный с ним автоматический гранатомет «АГ-17»,

установленные над башней. Управление огнем производится развитой автоматизированной системой с лазерным дальномером, электронным баллистическим вычислителем, двухплоскостным стабилизатором вооружения, стабилизированным прицелом наводчика 1К13-2, дублированными пультами управления командира и наводчика.] на большой участок дороги. Если какая-то машина и проскочит мимо, то будет уничтожена всего одной короткой очередью автоматической пушки. Легковые автомобили, даже бронированные, не смогут выдержать подобный удар. Это многократно проверено.

Солдат я разделил на две неравные группы – семерых оставил с правой стороны, приказав выкопать окопы для стрельбы лежа, устроиться там и замаскироваться. Троих отправил на противоположную сторону дороги, которую мы контролировать не намеревались, поскольку она вела не из Махачкалы в Дербент, а из Дербента в Махачкалу. Но в случае обострения ситуации бандиты, если им посчастливится на нас нарваться, могут отступить и за дорогу, а там их встретят в своих замаскированных окопах трое опытных бойцов, стреляющих без промаха.

– Второе отделение! – запросил я по связи.

– Я! – отозвался командир отделения сержант Коля Корнелазов.

– Доложите обстановку.

– Прибыли, товарищ Добрыня, на позицию. Начали устраиваться. Копаем окопы…

– БМП куда поставите?

– Тут в восьмидесяти метрах от дороги два дома стоят. Инспектор ДПС пошел договариваться с местными жителями. Если договорится, поставим за забором во дворе. С дороги будет непонятно, что там стоит. Прямо между двух сараев место есть. Сараи в разных дворах, но между ними общий забор, за забором высокие кусты, въехать без разрушений можно только через двор. Над кустами только башня торчать будет. Вот, товарищ Добрыня, инспектор вышел с хозяином. Машет издали, с места, рукой, приглашает. Все, БМП поехала… А мы окопы роем… Маскировочная сетка есть.

– Дорога у вас высокая?

– Чуть больше метра над равниной. В отдельных местах до полутора метров.

– Значит, обзор есть.

– Так точно. Нормальный обзор.

– Как солдат расположил?

– Семеро с нашей стороны, на направлении от Махачкалы, трое на противоположной.

Опытный сержант контрактной службы продублировал мои действия, не спрашивая совета и не зная, как поступил я. Школа-то одна, хотя я в ней – преподаватель, а сержанты – пока еще все-таки ученики, но ученики толковые.

– Нормально. Продолжай устраиваться. Третье отделение!

– Я, товарищ Добрыня! – отозвался старший сержант Лысаков, который командовал третьей группой.

– Докладывай, Леня!

– Все точно так – соотношение семь к трем по обе стороны дороги. Разница только в отсутствии домов. БМП спрятать некуда. Я думал, закопать в землю за ближайшим холмиком, но там, мы посмотрели, земля – на тридцать сантиметров, дальше – сплошные камни. БМП только отвал свой[3 - БМП-3 имеет собственный отвал, наподобие бульдозерного, применяемый для самоокапывания, что позволяет боевой машине вырыть для себя полноценный окоп. В боевой обстановке отвал в сложенном состоянии выполняет роль дополнительной, своего рода динамической защиты корпуса боевой машины пехоты от поражения минами и противотанковыми гранатами.] погнет…

– И что решил?

– Посоветовались с ментами, решили отогнать БМП за поворот дороги. Там – заросли кустов. Они с нашей стороны прикроют, а с противоположной и

прятаться не от кого. Там дорога из Дербента в Махачкалу идет. Мы же это направление не контролируем…

– Нормально, продолжайте работать, – сдержанно оценил я начало операции, не давая пока никому оценку. – Конец связи…

– Конец связи… – поочередно подтвердили младшие командиры…

* * *

Окоп для себя я копал самостоятельно, хотя хорошо знал, что многие офицеры заставляют солдат выполнять эту мозольную работу. Но я копать умею с детства и с земляными работами всегда справляюсь без проблем. Даже если земля каменистая. Тем более копать требовалось не глубоко, окоп следовало делать лежачий. Для маскировки я, опережая всех солдат, добежал до ближайших кустов в недалекой низинке, вырубил несколько палок тальника, которые укрепил над своим окопом дугой, по изгибу палок. Таким образом, мне не требовалось укрываться маскировочной сеткой, как одеялом, и путаться в ней при необходимости выбраться.

Солдаты первого отделения, заметив мои действия, тоже устремились к кустам, желая благоустроить свои окопы так же, как их командир. Благо малые саперные лопатки были у всех, они с превеликим удовольствием заменяли солдатам топоры. Таким образом, уже через десять минут все первое отделение во главе с командиром взвода, со мной то есть, лежало на земле, ощупывая прицелами проезжающие машины.

Два инспектора ГИБДД действовали грамотно. Хотя мне только с опозданием пришла в голову мысль, что нельзя останавливать сразу несколько машин, как это обычно происходит, чтобы бандиты, как уже было вчера в поселке Балтийский, не подстрелили посторонних людей. «Гиббоны» вскоре сообразили и стали останавливать машины только по одной. Видимо, информация о вчерашних происшествиях у инспекторов ДПС имелась, их руководство умело делать нужные выводы и провело необходимый правильный инструктаж.

Машины останавливали, документы проверяли, в двух машинах был даже произведен досмотр багажника, хотя я читал недавно в Интернете, что это

противоправные действия и на осмотр требуется отдельный судебный ордер. Никто в инспекторов не стрелял, ни из одного окна проезжавших мимо автомобилей не высовывались ни автоматные, ни пистолетные стволы, не выглядывала черная пасть гранатомета.

Все проходило тихо и мирно, я и мои солдаты начали даже уставать от однообразия.

Это было неприятное ощущение. Я хорошо знаю, что существует некий «закон вредности», согласно которому самые критические действия начинаются в момент наибольшей усталости.

Чтобы снять общее напряжение, я разделил группу на четыре части, объявив об этом по связи. Страховали инспекторов мы теперь парами. Семеро солдат и я. Первая пара отслеживала две машины. Остальные должны были поддерживать наблюдателей огнем только в случае обострения ситуации. Две машины проходили, в дело включалась вторая пара, еще через две машины – третья, потом четвертая, а потом снова работала первая. Так легче переносить усталость однообразия. И есть время отдохнуть. А уж чтобы перестроиться с отдыха на работу – на это любому из моих солдат требуется только доля секунды или одна команда. Оставшиеся трое солдат по другую сторону дороги вообще наблюдения не вели. Они должны были вступить в дело только в случае обострения ситуации.

* * *

Ночью, после того как они остановились в Чечне прямо посреди дороги, чтобы залить в бак из канистры солярку, Джабраил обошел машину с фонариком, покачал головой и вытащил телефонную трубку. Кому он звонил, Джахпар не знал, он вообще делал вид, что не знает чеченского языка, и всем своим видом показывал, что не слушает разговор, тем более что Джабраил отошел в сторону и расслышать можно было только отдельные слова.

Джабраил вернулся к машине и безоговорочно приказал:

– Все свое из машины забрать. Машину поджечь. На простреленной машине нас остановят на первом же посту. И сразу расстреляют. Не жалеть железа! –

добавил он, видя тоскливый взгляд водителя. – И себя не жалеть…

– Как добираться будем? – спросил Джахпар.

– Выходим дальше пешком. Нам навстречу две машины выслали. Алхазур сам едет. Доедем и мы…

Джахпара слегка задело, что Джабраил даже не посоветовался с ним. А ведь он всегда советовался прежде. А как иначе, если Джахпар прибыл оттуда специально, чтобы поднять таких людей, как Джабраил! Он ведь имама информацией снабжает, и деньги на его счет переводятся только по звонку Джахпара. Мог бы и больше уважения проявлять. Но молодости требовалось самоутверждение властью.

Остатки солярки из канистры вылили на сиденья и на тряпки, которые бросили в двигатель. Конечно, солярка горит хуже бензина. Тем не менее, когда водитель догнал группу, за их спинами уже полыхал огромный костер. Зачем-то водитель согнал ее с дороги. Наверное, рассчитывал, что так сгоревший внедорожник будет больше походить на жертву аварии…

Пешком шли больше часа. Сначала навстречу попалась большегрузная фура, которая проехала мимо, только добавив скорость. Да и кто захочет остановиться в такое беспокойное время, встретив ночью на дороге людей с автоматами. По фуре даже стрелять не стали.

Вдали показались яркие ксеноновые фары двух легковых машин. Эти людей с автоматами не испугались. Остановились. Объемный в животе водитель первой «Ауди А8» открыл дверцу и, пыхтя, вышел из машины.

– Джабраил! – позвал он.

– Я не узнал тебя… Шесть лет не виделись… Ну ты и растолстел… Мне бы так… – Высокий и стройный Джабраил приобнял попутчика за плечи, коснулся бородой гладко выбритой щеки, после этого обернулся к своей группе: – Это за нами. Садимся… Нас отвезут до места.

Рассвет в дороге наступает не сразу, не как в горах – все-таки сказывается то, что солнце выходит не из-за хребтов, а из-за морского горизонта, еще не успев разогнаться.

Джахпар опять сидел на заднем сиденье, но теперь уже не в тесноте, потому что расселись они в две машины. Так и ехать было безопаснее. Одна машина могла прикрыть другую. И даже более того. Если, например, на посту ГИБДД остановят первую машину, вторая может прямо на ходу открыть огонь, отвлечь внимание на себя, и в это время может атаковать первая машина, от которой этого не ждут. Если остановят вторую машину, она добавит скорость, обгонит первую, а если полиция погонится за второй машиной и первую вынужденно обгонит, то сразу окажется между двух огней. Это обговорили с водителями, парнями не слишком стеснительными…

Водитель «Ауди» посмотрел на Джабраила и спросил:

– Это кто?

– Это эмиссар из Ракки. Прибыл специально к нам. Познакомься. Его зовут Джахпар.

– Алхазур! – представился водитель, протянув руку.

Он знал, что ему предстоит работать с эмиссаром. Имам уже должен был поставить Алхазура в известность, и, судя по всему, поставил. Так, по крайней мере, Джахпару показалось, когда Джабраил сообщил, кто приедет за группой.

Джахпар руку пожал, но про себя подумал, что человек внешне никак не соответствует своему имени. Имя Алхазур переводится как «стремительный и отважный орел». Насчет отваги Джахпар рассуждать не брался. Трусом себя Алхазур не показал, уже когда приехал ночью на дорогу и забрал вооруженных людей. Кроме того, он согласился на привлечение к новой будущей акции и даже должен был многое сделать для ее обеспечения, воспользовавшись своими связями. Наверное, уже и сделал. А вот относительно стремительности Алхазура у эмиссара были сомнения. С такой фигурой трудно быть стремительным.

В Дагестан они въехали по дороге, идущей через Гудермес, по достаточно загруженному направлению с большим движением в обе стороны и большим

количеством постов ДПС. Но их ни разу не остановили, хотя другие машины то и дело останавливали для проверки. Даже обидно было.

– Почему на нас не обращают внимания? – Джахпар спросил Джабраила, но ответил ему Алхазур.

– Еще как обращают. Даже взглядом провожают. Но не решаются остановить. На номер смотрят и пропускают…

– А что за номер? – не понял Джахпар.

– Номер охраны президента Чечни. Номера этой серии даже в Дагестане знают.

Подумалось, что Алхазур многим рискует, если это его служебный автомобиль.

– Ты там служишь?

– Разве я похож на человека, который где-то служит? Или кому-то служит? – в голосе Алхазура слышалось гордое возмущение. – Я служу только себе, своим друзьям и Аллаху.

– Тогда откуда номер?

– Двенадцать миллионов заплатил, – коротко ответил водитель «Ауди». Номер – дороже, чем машина…

Миновали Махачкалу. Ехали по второстепенной дороге, но достаточно быстро, несмотря на разбитое дорожное полотно. Этим могли привлечь внимание ДПС.

Их очередная машина стояла на дороге. Впереди, достаточно далеко, ехала старенькая «Лада». Инспектор на дороге махнул жезлом, собираясь остановить машину. В ответ из окна переднего пассажирского сиденья высунулся автоматный ствол.

Джабраил это прекрасно видел и сказал только:

– Еще не легче!

Он предполагал, что сейчас предстоит увидеть бой, и думал о том, следует им остановиться и сдать назад или принять участие в перестрелке. На чьей стороне он должен выступить, Джабраил даже не задумывался. Но автоматной очереди из машины он не услышал. Он вообще не слышал автоматных очередей, тем не менее «Лада» завиляла на дороге и вылетела с нее, трижды перевернувшись. А потом откуда-то выскочили солдаты, неся наперевес автоматы с глушителями, и побежали к разбитой машине, держа ее под прицелом.

Инспекторы ДПС застыли на дороге. Алхазур подъехал ближе, остановился и обратился к инспектору:

– Эй, офицер, помощь не нужна?

Офицер полиции посмотрел на номер «Ауди», кивнул:

– Спасибо. Там работает спецназ военной разведки. Они сами справятся.

«На нас засаду выставили», – понял Джабраил.

«Ауди» двинулась дальше, быстро набирая скорость. Следом за ней устремилась и вторая машина – «Фольксваген Пассат».

Так и доехали до предгорий, где располагалось село Джабраила. Алхазур, видимо, уже бывал здесь раньше, и потому, только въехав в село, сразу направил машину к недостроенному зданию мечети. Вернее, само здание было уже достроено, недостроенным оставался минарет. Автокран, что раньше работал на строительстве, имел слишком короткую стрелу, а башенный кран негде было установить.

При приближении машин металлические ворота распахнулись…

Глава вторая

Я уже устал лежать на животе и во время отдыха поворачивался то на один, то на другой бок. В это время на связь вышел сержант Корнелазов.

– Товарищ Добрыня, разрешите доложить!

В голосе сержанта слышалось торжество.

– Валяй, Коля, докладывай. Что там у тебя?

– Инспекторы ДПС останавливали машину «Лада 21014». Машина добавила скорости, а из переднего пассажирского окна высунулся автоматный ствол. Я стрелял на опережение. Удачно. Наши тут же расстреляли водителя. Машина вылетела с дороги и трижды перевернулась. Двое бандитов убиты. На заднем сиденье травмированны двое мужчин и женщина. Все трое при оружии. Передали их инспекторам. У них в машине сидят в наручниках.

– Возраст мужчин?

– За сорок. Все четверо небритые, но безбородые. Убитые – тоже. Только у водителя была короткая бородка. Хотя и здесь есть сомнения. Может, просто неделю не брился. У местных бороды быстро растут.

– Женщина без бороды? – разряжая обстановку, спросил я.

– Инспекторы вызвали машину со следственной бригадой МВД. – Я по голосу услышал, что сержант улыбнулся. – Там сказали, что сразу выезжают. Передадут задержанных им. Мы продолжаем наблюдение.

– Нормально, Николай. Хорошо отработали. Благодарю за службу. Продолжайте работать. Может, и наши клиенты появятся. Скажи инспекторам, чтобы следственную бригаду еще и из ФСБ вызвали. Пусть дежурному сообщат, а дежурный сам решит, посылать или нет свою следственную бригаду. У меня все. Конец связи…

– Понял, работаем. Конец связи…

По крайней мере, даже если мы свою клиентуру и не дождемся, не зря взвод по тревоге поднимали. Двое убитых и двое захваченных бандитов – женщина, вполне возможно, но вовсе не обязательно, не в счет! – это уже несколько сохраненных жизней. Тот он или не тот, бандит все равно остается бандитом. И уничтожить его – дело, ради которого мы на Северный Кавказ и приехали. Мы уже многих бандитов за полгода уничтожили, ни один из них не считается лишним.

Так я оценил ситуацию.

Мы получили приказ о прекращении работы только во второй половине дня, когда уже уехала следственная бригада МВД, пообещав передать свои данные следственной бригаде ФСБ. Я продублировал приказ по связи, требуя возвращения отделений на место, где мы расстались. Машины ДПС, естественно, выезжали вместе с нашими БМП. На удивление, никто не заблудился. Инспекторы хорошо знали местные дороги…

Мы встретились там же, где расстались. Я покинул башню боевой машины пехоты, чтобы поблагодарить инспекторов ДПС, что были вместе с сержантом Корнелазовым. Капитан, носящий гордо, как знамя, очень крупный нос, не выслушав меня, заметно стесняясь и даже, как мне показалось, слегка краснея под сильным загаром, решительно взял меня за локоть и отвел в сторону. Говорил он по-русски неважно, и оттого старался говорить подробно:

– Слушай, старлей… Тут такое дело… Как только твои парни эту «Ладу» расстреляли и к ней побежали, на дороге остановилась «Ауди А8» с чеченским номером. За ней еще «Фольксваген Пассат» остановился. Номер тоже чеченский. Я так понял, что они вместе ехали. Номер «Ауди», кстати, по серии входит в перечень номенклатурных номеров. Если мне память не изменяет, это номер машины из охраны президента Чечни, – капитан назвал номер. – Водитель, большой и толстый, высунулся, спросил меня, нужна ли помощь. Я в этот момент, признаюсь честно, испугался. Твои солдаты убежали к перевернувшейся машине. А я сквозь лобовое стекло увидел, что на переднем пассажирском сиденье в «Ауди» сидит человек с длинной черной бородой, лысый, и перед ним торчит автоматный ствол. Заднее сиденье мне было плохо видно, но там, мне показалось, тоже двое были и тоже с автоматами. И в «Пассате», когда он мимо проехал, на пассажирском сиденье сидел бородатый человек с автоматом.

Я сделал вид, что ничего не заметил, от помощи отказался, но сказал, что здесь спецназ военной разведки работает. Я так от их стволов прикрылся. Твои солдаты все равно уже помочь мне не успели бы, а этим стоило только ствол в окно высунуть, и все… А мне и спрятаться некуда, я на пустой дороге. Даже если под откос спрыгну, просто из машины выйдут и пристрелят. Против их стволов наши два автомата – ничто…

– А что сразу моему сержанту не сказал? – спросил я капитана.

– А что толку, они уже уехали…

– Пушка БМП их бы остановила…

– Я подумал тогда, а что, если это и правда охрана президента Чечни? А вы их расстреляете… Это же скандал! И вообще хотел об этом деле забыть. А по дороге подумал, что это как-то… Словно я бандитов боюсь… Там, на дороге, я сознаюсь – испугался, а потом стыдно стало. Я все-таки мужчина! Решил тебе рассказать…

– Я понимаю, капитан, чтобы рассказать, что испугался там, на дороге, мужества нужно не меньше, чем для того, чтобы в бой вступить. Спасибо тебе, что решился. Номер «Фольксвагена» не помнишь?

– На автономера у меня память профессиональная. Помню, конечно…

Он назвал номер второй машины.

– Запиши…

– У меня не только на номера телефонов, у меня на все память профессиональная. Память разведчика… А это много…

Капитан согласно кивнул.

– Еще раз спасибо тебе. И за то, что сделал, и за то, что сказал. Но для тебя будет лучше, если ты обо всем этом забудешь и своим коллегам ничего не расскажешь. Не исключено, что кто-то в МВД предупреждает бандитов о

засадах. Мы разберемся и с «Ауди», и с «Фольксвагеном». ФСБ разберется… Им проще сделать запрос. У спецназа ГРУ нет следственных функций…

Я ушел в БМП, и только из башни, плотно усевшись на жестковатом сиденье, связался с майором Покрышкиным.

Начальник штаба отозвался сразу.

– Я – Второй, слушаю тебя, Добрыня…

– Товарищ майор, следует срочно через ФСБ выяснить принадлежность двух автомобильных номеров.

– Что с этими номерами связано?

Я вынужден был пересказать, что поведал мне капитан полиции.

– Называй номера.

Я продиктовал. Майор повторил, хотя записывать, как я предполагаю, как и я, не стал. Память у Покрышкина тренированная. Как-никак, всю сознательную жизнь в спецназе военной разведки прослужил.

– Чеченские номера, – сразу определил начальник штаба по коду принадлежности. – Кстати, могу тебе на планшетник перебросить фоторобот главного в банде. Составлен с помощью бывшего капитана полиции Манапа Басирова, который его видел. Фоторобот сейчас предъявляют для опознания на республиканском совещании участковых в МВД. Специально на неделю раньше перенесли совещание. Не все, правда, участковые смогли приехать из-за изменения графика. Если результата не будет, отдельно покажут тем, кто не приехал. А ты покажи тому капитану, может, чем черт не шутит, опознает. А потом гони взвод в городок. Я распоряжусь, чтобы в столовой обед для солдат оставили.

Я посмотрел на часы. По времени как раз выходило взводу отправляться на обед.

– Жду, товарищ майор, – я высунулся из башни и сделал знак капитану ГИБДД, который открыл дверцу своей машины, чтобы сесть и уехать.

Капитан знак заметил и двинулся в мою сторону.

– Чего ждешь? – не понял Покрышкин.

– Фоторобот.

– Вот. Нашел. Отправляю. Конец связи…

– Конец связи, товарищ майор…

Я выбрался из башни и спрыгнул на землю. Как раз к моменту, когда капитан подошел, планшетник подал сигнал о получении почты. Изображение открывалось двумя касаниями пальца по сенсорному экрану. Быстро.

– Посмотри… Не видел такого? – показал я фоторобот без особой, впрочем, надежды на успех. Я много фотороботов в своей жизни видел, и редко какой походил на реального человека.

– Он! Он на переднем пассажирском сиденье сидел в «Ауди», – сразу же определил капитан. Видимо, с фотороботами он умел работать.

Ментовская цепкая память удивляла порой даже меня, хотя я на свою память никогда не жаловался.

– Понятно. Свои личные данные продиктуй и телефон для контакта, чтобы найти тебя можно было срочно, – потребовал я, выслушал данные и загнал их в свой планшетник. – К тебе, видимо, скоро обратятся по этому поводу… Можешь заранее рапорт написать. Только своему командованию его не передавай. Причину я тебе уже назвал.

– Ты обратишься?

– Возможно. Хотя, скорее всего, кто-то из Следственного управления ФСБ. Они дело ведут, мы только силовую поддержку оказываем. Да ты не стесняйся… Ты,

я считаю, правильно себя вел. Не спровоцировал новые жертвы. Иначе толку от всего этого дела было бы мало. И показания дать было бы некому, – подбодрил я инспектора ДПС, который сильно стеснялся того, что там, на дороге, испугался. Мужчины часто стесняются моментов собственной слабости.

Я считал, что он повел себя вполне естественно. Конечно, если бы началась стрельба, боевая машина пехоты одной очередью из автоматической пушки превратила бы «Ауди» в груду металлолома. И отправила бы вдогонку «Фольксваген Пассат».

И солдаты мои в критической ситуации повели бы себя как надо. Они успели бы залечь и с двух сторон дороги расстреляли бы обе машины прежде, чем оттуда раздались бы первые выстрелы.

Но сам капитан тогда, скорее всего, погиб бы при исполнении служебных обязанностей. А у него наверняка и жена есть, и дети, он о них, конечно, подумал, и я не берусь осуждать человека за минуту естественной трусости. Такой момент может быть у любого. Человек потом долго будет это переживать, стыдиться и никогда больше подобного себе не позволит. В будущем он станет настоящим бойцом.

Я всегда был твердо уверен и своих солдат этому обучал, что не бывает безрассудно храбрых людей. Все имеют право испугаться. А все подвиги совершались не от безрассудства, а чаще всего от всплеска отчаяния, когда уже становится все равно, что будет дальше, но есть одно желание – не дать победить врагу. Когда подступает момент испуга, его следует перебороть или отчаянием, или разумом, причем второе предпочтительнее. Когда победишь страх разумом один раз, второй, третий, тогда с каждым разом это становится все легче и легче. В результате потом страх побеждается за доли секунды, и появляется умение действовать адекватно. Это, наверное, и называется боевым опытом.

И еще… Когда страх побеждается разумом, человек и дальше продолжает думать и поступать разумно. И приучается так действовать всегда, а это самое главное. То есть обретает хладнокровие. Не то гусарское или терминаторское хладнокровие, когда человек ходит под обстрелом, не пригибаясь. Но то, что позволяет сделать правильный вывод в любом положении, не закрывать глаза, когда тебя бьют, а смотреть в лицо опасности и видеть, как ты можешь ответить. Разумное хладнокровие…

Что касается подвига, то подвиг, в моем понимании, это в первую очередь самопожертвование. Не так давно я читал исследование французских ученых и узнал, как погибла большая часть армии Наполеона в России. У нас та война с французами всегда выставляется как победа гусар и кавалергардов. Но они внесли в дело только небольшую толику.

А большая часть армии погибла иначе, и вовсе не в сражениях. Идет, например, часть французской армии зимой по русской дороге. Мерзнет. Заходят на ночлег в село, распределяются по домам. Велят хозяину печь затопить. На печи лежит жена хозяина и дети. Хозяин затапливает печь и не открывает заслонку. В итоге от угарного газа погибает не только семья простого русского крестьянина, которому Наполеон, кстати, пообещал избавление от крепостного права, но и захватчики, что остановились в доме. Это разумное обдуманное действие крестьянина. Убить себя и собственную семью ему не так страшно, как отдать свою землю, свою страну на поругание захватчикам. Это подвиг, в моих глазах несравнимо больший, чем лихая кавалерийская атака.

Пожав капитану на прощание руку, я снова забрался в башню, передал майору Покрышкину показания капитана ГИБДД, посмотрел, как уехали машины ГИБДД, и дал команду к началу движения. Хотя у взвода и был с собой сухой паек, я не рекомендовал никому из солдат обедать на ходу. Обед в столовой хоть и с опозданием, но все же ждал взвод, о чем я по связи всех предупредил. Начальник штаба майор Покрышкин всегда о солдатах заботится не меньше, чем хороший командир взвода. Я же мог пообедать в офицерской столовой в любое время в течение рабочего дня или в штабном буфете, если офицерская столовая будет уже закрыта. Правда, в буфете придется питаться за наличные деньги. Но это же не постоянно, и время от времени я могу себе такое позволить…

Однако в этот раз мне пообедать вообще не дали, хотя взвод под командованием старшего сержанта Лысакова я отправил строем в столовую. Самого меня на половине дороги в столовую остановили телефонным звонком. Звонил командир отряда подполковник Подкопаев.

– Старший лейтенант Никитич?

– Слушаю вас, товарищ подполковник.

– Это не подполковник, это я с трубки командира, – раздался голос майора Покрышкина. – Сереня, срочно в кабинет к командиру. Тебя здесь ждут…

В столовую я шел через футбольное поле под окнами штабного корпуса. И, вероятно, из окна кабинета командира отряда меня было видно.

– Есть срочно прибыть в кабинет командира, – откликнулся я.

Я круто повернул налево и торопливо двинулся к штабному корпусу.

Дежурный по отряду капитан встретил меня на лестнице.

– Солдат покормил?

– Они у меня давно уже с ложечки не едят. Отправил в столовую…

– Там по твою душу к командиру приехали из республиканского ФСБ. Поторопись. Покрышкин приказал приготовить для твоего взвода три бэтээра. Наверное, сразу на выезд прикажут. А что сделаешь, если, кроме твоего взвода, все в разгоне…

– Спасибо, что не БМП. БТР все же на ходу мягче, – не вдаваясь в суть дела и ни о чем не расспрашивая, сказал я и стал шагать через две ступеньки, чтобы быстрее подняться на третий этаж, где находился кабинет командира отряда.

Раньше кабинеты командира отряда и начальника штаба находились рядом: дверь в приемную, в которой сидит адъютант, направо – дверь в командирский кабинет, налево – в маленький кабинет начальника штаба. Потом один из сменных начальников штаба решил переселиться на второй этаж, где кабинет был побольше. Потом еще один сменный начальник штаба вообще на первый этаж переехал.

Оно и понятно. У начальника штаба должен быть большой приставной стол, обычно застеленный, как скатертями, в несколько слоев топографическими, спутниковыми и географическими картами, разобраться в которых мог только сам хозяин кабинета и кто-то из офицеров оперативного отдела, обычно разрабатывающего варианты предстоящей операции. А операций одновременно

проводится всегда несколько, и потому в работе было по несколько карт. В кабинете командира отряда обычно наблюдается больший порядок. Это уже традиция. Может быть, такое впечатление складывается из-за отсутствия множества карт. Может, командиры бывают более склонны к порядку, чем начальники штабов. По крайней мере, мне всегда и на разных должностях попадались именно такие командиры.

Когда я вошел, на длинном приставном столе как раз была расстелена большая топографическая карта. И, как я отметил даже беглым взглядом, это была карта населенного пункта и его окрестностей. Над картой склонились три офицера оперативного отдела, начальник штаба сводного отряда майор Покрышкин, командир отряда подполковник Подкопаев и три незнакомых мне офицера, из которых только один был в «камуфляже» с погонами майора, а двое других – в цивильной одежде и даже при галстуках. Но я ни секунды не сомневался, что они офицеры. Это даже не нюх подсказывал, а какие-то неуловимые для человека невоенного детали. Не знаю, как, но офицеров я определяю сразу.

– Вот и наш главный исполнитель прибыл, – сказал подполковник Подкопаев, выпрямляясь над столом. – Проходи, старлей, становись ближе…

– Я сначала ему положение объясню, – вступил в разговор майор Покрышкин. – Дело, Сереня, обстоит так. Сегодня на совещании участковых уполномоченных в республиканском МВД один из них по фотороботу, который я тебе присылал, определил подозреваемого, бывшего жителя своего села. Сейчас, правда, Джабраил Гаджимагомедов живет в другом селе, где служит имамом. Он уезжал в Саудовскую Аравию, окончил там исламский университет, факультет богословия. По возвращении стал имамом, строит свою мечеть. В Саудовской Аравии, как известно, государственная религия – ислам ваххабитского толка. Честно говоря, наши смежники из ФСБ, – майор кивнул в сторону троих незнакомых мне офицеров, – не в курсе, какую ветвь ислама доносит до сельчан имам Джабраил. А в духовном управлении мусульман республики уверены, что он проповедует классический ислам, то есть традиционный, как и везде. То есть о ваххабизме и речи, кажется, не идет. Участкового, что опознал по фотороботу Гаджимагомедова, попросили написать на него характеристику. Тот написал. С такой характеристикой раньше, при советской власти, в партию можно было бегом вступать. Со всех сторон идеальный и благонадежный человек. Сотрудник ФСБ провел опрос жителей села, где этот имам Джабраил вырос. Соседи отзывались о нем точно так же, как участковый. Таким образом, встал вопрос, как говорится, «на засыпку»: мог ли человек настолько перемениться за время

обучения в исламском университете, что стал бандитом? Или вышла ошибка и мы ищем не там, где следует? Фоторобот – это все-таки не фотография…

– Мне необходимо его сфотографировать? – спросил я.

– Кого? Имама? – переспросил один из офицеров ФСБ, что были в цивильной одежде.

– Нет, главаря бандитов, товарищ… Извините, не знаю, как к вам обратиться по званию.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Коркмаскала – село, районный центр, пригород Махачкалы.

2

Пулемет ПКТ – пулемет Калашникова танковый, калибра 7,62 миллиметра. НА БМП-3 один пулемет спарен с автоматической пушкой, а два располагаются по обе стороны от места механика-водителя и управляются десантниками, то есть непостоянными членами экипажа. Кроме того, на вооружении БМП-3 имеется

ПТРК «Конкурс», способный подбить любой современный танк, и объединенный с ним автоматический гранатомет «АГ-17», установленные над башней. Управление огнем производится развитой автоматизированной системой с лазерным дальномером, электронным баллистическим вычислителем, двухплоскостным стабилизатором вооружения, стабилизированным прицелом наводчика 1К13-2, дублированными пультами управления командира и наводчика.

3

БМП-3 имеет собственный отвал, наподобие бульдозерного, применяемый для самоокапывания, что позволяет боевой машине вырыть для себя полноценный окоп. В боевой обстановке отвал в сложенном состоянии выполняет роль дополнительной, своего рода динамической защиты корпуса боевой машины пехоты от поражения минами и противотанковыми гранатами.

Купить: https://tellnovel.com/samarov_sergey/borodataya-banda

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити